

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХАТИАГСКОГО ЯЗЫКА НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЙ

Э.Т. Гутиева

Лингвоним хатиагский (хатиаг æвзаг), неоднократно упоминаемый в текстах сказаний Нартовского эпоса, всегда привлекал к себе внимание исследователей, т.к. он является носителем исторически важной информации, релевантной для хронологической и географической локализации целого ряда сюжетов и сюжетных мотивов. Длительность истории возникновения и бытования эпоса, большая территориальная протяженность, обусловленная беспрецедентной миграционной активностью его создателей и носителей, привели к появлению достаточно большого числа альтернативных интерпретаций этого термина. Все они отвечают тем или иным требованиям к хатиагскому языку, выводимым из текстов сказаний. Основанием для существующих гипотез в первую очередь является фонетическое сходство с известными корнями, терминами. Большая их часть соотносят хатиагский с известными этнонимами, названиями народов, с которыми у сарматов, алан, осетин имели место контакты, подтвержденные историческими источниками. В статье рассматриваются существующие в настоящее время подходы. Нерешенность проблемы хатиагского языка позволяет продолжать разработку и уточнение существующих гипотез, выдвигать и формулировать новые. В работе предлагается в круг поиска этимона включить: самоназвание армян хай; первый элемент в обозначении языка восточно-иранских хотаносаков, у которых имеются близкородственные генетические связи с осетинским; а также название восточногерманского племени готов. Из данных трех авторских гипотез предпочтение отдается последней.

Ключевые слова: лингвоним, этноним, хатиагский язык, нартты, аланы, восточно-иранский язык, осетинский язык, эпос.

Нарты осетинских Нартовских сказаний обладают знаковой системой, являющейся средством их внутриэтнического общения, но язык этот нигде специально не называется и не идентифицируется, возможно, в силу самоочевидности того факта, что говорить они должны на языке нартов, что нартowski/нартский — их родной язык. Язык, упоминаемый в сказаниях, не является языком среды, им пользуется весьма ограниченный круг людей, и о нем известно, собственно, только его название. Это *хатиаг æвзаг*, «хат-иагский», «хат-ийский», «хат-айский», «хат-ский» язык. Это «загадочный термин», «тайный, чудодейственный язык», «тайный язык нартowski богатырей» [1].

Важность правильной интерпретации лингвонима *хатиагский* обусловлена

тем, что он является носителем исторически важной информации, релевантной для хронологической и географической локализации целого ряда сюжетов и сюжетных мотивов. Данное обстоятельство обуславливает непреходящий интерес к расшифровке этого термина.

По мнению Б. А. Алборова, «хатский или хатийский язык является языком, понятным даже не всем нартам, следовательно, этот язык не был родным материнским языком для них» [2, 110]. На наш взгляд, данное положение нуждается в уточнении. Следует отметить, что в кадах в каждом случае употребления хатиагского языка непременно называются действующие лица, осуществляющие коммуникацию на нем. Круг говорящих на этом языке, действительно, включает

не всех нартов, а только самых именитых и знаменитых героев. Важно, что все они являются членами одного рода, точнее, одной патронимической группы Ахсартатгата (*Ахсартæггата*). Принципиально важно и то, что в старшем поколении это дети одной матери — братья-близнецы Уырызмаг (*Уырызмаг*) и Хамыц (*Хæмыц*), а также их единоутробная сестра Шатана (*Сатана*). В кадаге «Как убивали старого Уырызмага» (*Зæронд Уырызмаджы куыд мардтой*) данный факт эксплицируется следующим образом: — *кроме членов их рода (букв. сыновей их отца) по-хатиагски никто не говорил (сæхи фыдыфырты йеддæмæ хатиагау ничи дзырдта)* [3, 394]. Более точной редакцией могло бы быть: **кроме детей их матери по-хатиагски никто не говорил*.

Билингвизм детей Ахсартата и Дээрассы мог быть закономерным следствием экзогамного брака родителей. Мать их была иноэтничной и, как следствие, иноязычной в нартовском обществе, в таком случае от других членов социума Уырызмага, Хамыца и Шатану отличает владение материнским языком, языком их первичной социализации.

Также по-хатиагски разговаривают сын Хамыца Батрадз; Сослан, «нерожденный» ею, но все же сын Шатаны; сын Уырызмага общается с отцом на хатиагском языке в стране Мертвых; Джагъуылдахъ, сын невестки Уырызмага. Все перечисленные являются представителями нисходящего поколения этой же семьи.

Кроме этих героев в нартовской среде можно указать только на Бурафарныга (*Бурафæрныг*) из рода Бората (*Борæта*), представители которого связаны с Ахсартатгата сложными узами и непростыми отношениями. Прямых свидетельств его владения хатиагским не приводится, но не исключено, что он, по меньшей мере, пассивно владел им, т.к. в двух кадагах «Уырызмаг и одноглазая великанша» (*Уырызмаг æмæ иуцæстон гуымир-сыл-*

гоймаг) [4, 109-121] и «Названные мать и отец Сослана» (*Сосланы кæнгæ мад æмæ фыд*) [5, 108-109] Уырызмаг обращается к своим спутникам, среди которых и Бурафарныг, по-хатиагски.

С другой стороны, на пиру у Бората в сказании «Нарт Уырызмаг» (*Нарты Уырызмаг*) [6, 129-133] хатиагский становится языком секретных от хозяев переговоров, что говорит о невключенности членов этого рода в данный языковой контингент.

Не владеют хатиагским и другие нарты. В кадаге «Поход Батрадза» (*Батырадзы бали*) из 39 отборных нартовских всадников (*Нарты равзаргæ фæсивæд нудæс æмæ ссæдз барæгæй*) один Батрадз знал этот язык, остальные 38 и не говорили, и не понимали его (*Уыцы ныхæстæ Батырадзы йеддæмæ ничи мбæрста, уый йеддæмæ сæ хатиагау ничи зыдта*) [7].

Г. Бейли, характеризуя хатиагский язык, отмечает, что молодежь не понимает хатиагского [8, 259-260], что верно отчасти. В кадаге «Битва Батрадза с Уангхором и Армхором» (*Батырадзы хæст Уæнгхор æмæ Ермхоримæ*), один Уырызмаг, старший и по возрасту, и по статусу, хорошо владеет хатиагским, он и предупреждает младших об опасности, предостерегая от чрезмерных возлияний: *«Уырызмаг хатиагау хорз зыдта, бамбæрста уыцы дæлгоммæныхæстæ, æмæ кæстæртæн бамбарын кодта, цæмæй нуæзтæй сæхиуыл фæхæцой»* [9, 460].

Если слово «младшие» ключевое, то это может быть указанием на регрессивный характер билингвизма и на сокращение количества владеющих этим языком. Но и на Нихасе среди присутствующих нартовских старших никто не знает хатиагского, и Уырызмаг вынужден переводить послание, переданное небожителем через ласточку.

Знание хатиагского языка помогает нартовским героям, тем же Уырызмагу, Сослану и Батрадзу, оказавшимся в чуж-

дых пределах. С его помощью они получают предупреждение об опасности, когда в их присутствии не нарты, а иноземцы, в семь раз превосходящие нартов гумиры, плетут заговоры против них, когда выведывают нужные им сведения (у пастуха), или когда понимают конфиденциальную и непредназначенную для них информацию, слыша в далекой стране, как между собой переговариваются мать и дочь.

Сослан в стране Гум пользуется гостеприимством гумцев и охотится вместе с ними, общаясь по-хатиагски. Но в «Сказании про Бораты Созырыко» («*Бораты Созырыхъойы кадагъ*») гумец Къобор не знает хатиагского, что не мешает им с Созырыко общаться. Мудрец Къобор был женат на семи разноплеменных и разноязыких женщинах — так он не только укрепил политические альянсы с беспокойными соседями, но и предусмотрительно решил вопрос обеспечения собственной безопасности, в частности, в данном сказании об угрозе для его жизни мужа предупреждает жена-хатийка [10, 65-74].

Не исключено, что двуязычны часть гумцев, как и нартов, как и народа гумиров или дурагонов из кадага «Нарт Кундз» («*Нарты Кундз*»).

Эти факты позволяют заключить, что хатиагский язык мог быть надэтническим языком территории с разнообразным этническим составом населения.

Помимо устного общения на хатиагском возможна письменная коммуникация, участие в которой принимает еще более ограниченный круг героев. Случаев использования другого не-хатиагского языка в качестве письменного в сказаниях не отмечено.

В важных ситуациях, при обстоятельствах, угрожающих жизни, в письме, написанном на хатиагском, Хамыц просит помощи у своего друга, живущего за пределами нартовских рубежей в «Сказании о Нарте Хамыце и его друге Крупнопалам Амылтахе» («*Нарты Хамыц амагъ йе 'рдхорд Ставдаенгуылдз Амылтахъы таурагъ*»)

[11, 79-81]. В некоторых вариантах сюжета про последний поход Уырызмага герой отправляет восточку с чужбины на родину на хатиагском языке. Понять ее содержание среди нартов смогла только Шатана. В данном случае Шатана является скорее не дешифровщиком секретного послания, а переводчиком с хатиагского и чтением письма, т.к. полагать, что все нарты знали хатиагский язык, а тем более умели читать, оснований нет.

Шатана является и третьим «пишущим» героем, она сама отправляет письмо Батрадзу, вызывая к мщению. Герой незамедлительно откликнулся, следовательно, по крайней мере, он смог прочесть послание, либо ему помогли зэды и дэвы, с которыми он в это время пировал.

Само умение сановной женщины писать не сужает хронологические и географические зоны поиска. Грамотными были многие, начиная с китайских принцесс древности, персидской Атоссы, как называет Геродот дочь Кира Великого (V-VI вв. до н.э.), остроготской Амаласунты (VI в. н.э.), не говоря уже о более поздних временах, когда это стало массовым явлением.

Грамотность была показателем высокого социального статуса и может быть указанием на высокопоставленность представителей рода Ахсартлагата. Как известно, принадлежность к кругу отправителей культа во многих лингвокультурах предполагала владение сакральным знанием, в том числе умением читать. В противоречие с данным положением входит тот факт, что Алагата, жреческий род, согласно трифункциональному делению Ж. Дюмезиля [12], не пользуются хатиагским языком, нет свидетельств, что они умеют писать и читать, в отличие от представителей касты воинов Ахсартлагата.

Из текстов нартовских сказаний выводимы требования, которым более или менее убедительно должен удовлетворять тот или иной язык. Так, перечень народов, с которыми у алан могли быть межэтнические браки, неопределенно широк. В тексте сказаний чужеземные невесты обычно называются по имени отца: дочь Донбеттыра, дочь Челахсартага, дочь Сайнаг-алдара. В тех случаях, когда указывается происхождение девушки — из рода *Быцентаэ*, *Чинтаэ* — нет возможности проследить связь этнической принадлежности с хатиагским языком.

На основании фонетического подобия и исторических данных, подкрепляющих или не исключающих идеи контактов между предками осетин и гипотетическими хатиагами, сведений о межэтнических браках и о наличии письменности сформирован достаточно большой список гипотез. Рассматривая и критически оценивая уже выдвигавшиеся версии, А. А. Туаллагов сформулировал предостережение о том, что «методом отождествления хатиагского языка с языком какого-либо народа вполне возможно выдвижение многих гипотез, что, в конечном итоге, ведет к плодовитости последних, но малой научной плодотворности» [13, 222]. Однако отсутствие теории, которая бы непротиворечиво объясняла все, связанное с хатиагским языком, свидетельствует о том, что на сегодняшний момент данный список не носит исчерпывающего характера, является открытым и в целях научной объективности может и должен пополняться, наряду с арсеналом аргументов и контраргументов для уже сформулированных версий.

Существующие гипотезы уже являлись предметом подробного анализа (см. подробнее: [13]), мы ограничимся тем, что перечислим их, избегая порядковых числительных и оценочности.

Выдвигались версии о том, что хатиагский — это сказочный язык, тарабарщи-

на (В. Ф. Миллер), *nom de fantaisie* (Ж. Дюмезиль) [14, 1495; 12]. Данные выводы, сделанные в силу объективных причин на ограниченном материале, входят в противоречие с тем, как функционирует этот язык в эпических сказаниях. Как показывает анализ корпуса примеров, полученных в результате сплошной выборки из практически всех известных вариантов нартовских кадагов, хатиагский являлся языком полноценного общения, пусть и не всего социума, а только членов одной семьи, либо средством общения их же с иноземцами.

Есть мнение, что хатиагский был языком воинов/охотников. Предположение Г. Бейли, который предлагал видеть в названии племени *акатироев* Иордана компонент **хати-* от осет. *хæтын* ‘бродить, совершать походы за добычей’, впоследствии развивается Ю. А. Дзиццойты, А. А. Слановым [15; 16]. По мнению Б. А. Алборова, данная версия не является предпочтительной т.к. слово *xætyn* означает ‘скитаться с целью развратничать, прелюбодействовать’ [2].

Интересно, что именно в этом значении данный корень употреблен в кадаге «Чудеса Нарта Хамыца» («*Нарты Хамыцы диссæгтæ*»): единственный пример употребления *хатиаг* и *хæтаг* в одном кадаге — алдар Чинтов называет Хамыца *хæтаг лæг* (распутником) и отказывается отдать за него дочь [17, 184]. И когда нартам нужна подмога в этом нелегком сватовстве, Уырызмаг призывает Батрадза по-хатиагски. Полагаем, что связи между корнями *хатиаг* и *хæтаг* нет и рассматривать их в качестве этимологических дублетов неправомерно.

Считать хатиагский социолектом не позволяют и приведенные выше обстоятельства: в кадагах не приводится ни одного случая употребления хатиагского в воинской среде, напротив, он функционирует либо в семейной сфере, либо используется иноземцами в их стране, либо

носители его находятся за пределами территории проживания Нартов. В частности, во всех вариантах сюжета о «Походе Батрадза» («*Батырадзы бали*») говорится о хатиагском народе (*хатиаг адам*), язык которых понимает лишь сын Хамыца.

Представляется, что гипотезы о естественном характере хатиагского языка являются более плодотворными для разработки.

Многие «исследователи (Р.Блайхштайнер, Н.Я. Немировский, К.Е. Гагкаев, А. Тибилов, Б.А. Алборов, А.П. Зураев, Ф.Д. Техов, Б.В. Техов, Н.Г. Ловпаче) связывают эпический язык с историей хаттов и хеттов, таким образом развивая осторожное предположение В.Ф. Миллера» [13, 220]. «Осторожность» предположения Миллера могла заключаться в вопросительном знаке: в «Осетинско-русско-немецком словаре» слово '*хатиаг*' лексикализуется как «непонятный (хатский?) язык, чудесный, тарабарщина». В следующей словарной статье '*хатиагау*' определяется как «по-хатски», на непонятном языке» [14, 1495].

Традиционно этноним хаттский пишется с удвоенной согласной -т-. Несомненно соответствующее нормам правописания написание в словаре Миллера-Фреймана, а также помещение его между словами «непонятный» и «чудесный» может свидетельствовать, скорее, о том, что эта форма является переводом осетинского слова. Либо это может быть отсылкой к скифам хатам Птолемея, а не к хаттам Малой Азии. С другой стороны, во время составления словаря могла быть вариативность графической нормы. Не исключена и возможность технической ошибки в обеих словарных статьях.

Трудно разграничить в контексте нашего обсуждения анатолийских индоевропейцев хеттов, имевших клинописную традицию, от неиндоевропейских и бесписьменных хаттов, великих кузнецов древности царства Хатти, говоривших

на совершенно разных языках, тем более что «многоязычие лежало в основе функционирования Хеттского царства на всем протяжении его истории» [18, 84], но отметим, что не во всех языках эти два этнонима отличает такая же степень фонетической близости, как в русском.

Согласно другой известной теории, хатиагский — это китайский язык (В.И. Абаев, В.К. Тотров, А.Х. Бязыров, Т.А. Гуриев). При таком допущении следует, что у народа чинта, как, возможно, называются в эпосе китайцы, язык был хатиагским. Существование подобной пары разнокорневых этнонима и лингвонима могло быть обусловлено контаминацией двух традиций: более раннего названия *чина (*China*), и более позднего этнонима от названия народа киданей (*Khitans*), представленного в современном осетинском формой *китайаг* — от этого корня русский и монгольский вариант названия данного народа. В.И. Абаев не исключает при заимствовании этнонима в осетинский язык, наряду с монгольским, тюркское и грузинское посредство [19, 144].

Данная версия интересна тем, что может обозначить годовые кольца нартовских сказаний, т.к. производное от корня *кита/*кида не могло появиться ранее IV-V вв., а письменность у киданей возникает с X в. [20, 353].

Этноним *чинта* и лингвоним *хатиаг* оказываются в одном контексте в приведенном выше кадаге «*Нарты Хамыцы диссагта*», из содержания которого следует, что чинты не понимали хатиагского, т.к. в их присутствии Уырызмаг секретничает на этом языке.

В этой же группе, рассматривающей хатиаг в качестве отэтнонимного образования, следует привести упоминавшуюся версию об *акатироях*, скифском племени причерноморских степей, т.к. Бейли, хотя и возводит племенное название к глаголу *хатун*, основное внимание переносит на

стадию этнонимизации данного корня, и у него хатиагский язык — это язык племени, но не социальной группы. В любом случае автор формулирует свое предположение не так категорично, как резко выступает против хаттов Анатолии и Хатаев (киданей) династии Лиао (Xatay of the Liao dynasty) [8, 260].

Интересно, что к глаголу со сходной семантикой возводит происхождение названия *аланы* Г. Ф. Миллер, т.к. согласно его версии «имя аланов родилось у греков, и оно происходит от греческого глагола, значащего странствовать или бродить» [21].

Согласно мнению Туаллагова, хатиагский — это письменный язык [13, 223]. Широко представленные в языках кавказских народов рефлексy арабского корня **хатт*- ‘черта’, ‘линия’, ‘почерк’ имеют отношение к понятию *письмо*, *письменность*. В близкородственном осетинскому ягнобском языке корень тоже отмечен: *xat*, *xatt* ‘письмо, грамота’ [22, 357].

Версии относительно хатиагского как языка священного — священный авестийский язык (А. Р. Чочиев), замечание о гатах Авесты (А. А. Туаллагова) — нуждаются в развитии и в дополнительной аргументации, как и версия о специальном культовом языке грузин (М. Я. Чиковани — мнение, поддержанное В. А. Кузнецовым).

В некоторых сказаниях хатиагский называют языком ангелов, небожителей, правда, Батрадз парирует, что с ними он сам пирует. Лишь в одном месте хатиагский язык используется как язык молитвы: «Взмолился Уырызмаг: — Создатель наш, если создан тобою наш младший в помощь нам, пусть появится сейчас перед нами! В мгновение ока очутился перед ними Батрадз». (*Уырызмаг хатиагау ыскуывта: — Не сфæлдисæг Хуыцау, кæд нын нæ лæппуйы ’ххуысæн сæвзæрын код-тай, уæд нын æй нæ цуры фæвзæрын кæн! Цæстныкъуылдмæ сæ цуры ’рбалæууыди*

Батырадз) («*Нарты Хæмыцы диссæг-тæ*») [23, 95].

Молитва оказывается действенным и эффективным обращением к Всевышнему за военной помощью — Уырызмагу нужна подмога, и Батрадз, находившийся в компании друзей-небожителей, отправляется у них и немедленно откликается на зов. Переговоры через ласточку со Всевышним в эсхатологии нартов тоже напоминают больше обмен ультиматумами в момент обострения военного противостояния и могут свидетельствовать об изменившейся политической ситуации.

То, что хатиагский несколько раз используется для заклинаний волшебных предметов, на наш взгляд, следует в первую очередь рассматривать в контексте жанровой контаминации и интерференции сказочных элементов в эпическое повествование, как указание на происхождение предметов, на источник их заимствования.

Мифологизация сюжета могла иметь место в сказании, где единственный выживший из рода Ацата герой отправляется в страну меж двух морей за конем своего отца. На наш взгляд, рациональная интерпретация данного сюжетного мотива позволяет считать это обращением за подмогой к народу конных воинов, бывших союзниками еще отца героя.

К уже выдвигавшимся интерпретациям можно добавить и интересные наблюдения, содержащиеся в работах Б. А. Алборова [2], А. А. Туаллагова [13, 221-222], ряд которых может развиваться в самостоятельные и продуктивные гипотезы.

Со своей стороны, «зарегистрируем» три версии, которые, как и рассмотренные выше, можно подкрепить аргументами и которые так же уязвимы для контраргументов. Все три исходят из презумпции о том, что хатиагский язык реально существовал, что это был язык близкородственного, родственного или географически соседствующего социума,

при всей относительности понятия соседства для неоседлых предков современных осетин, и что письменность на этом языке в период слагания сказаний существовала.

Во-первых, обращаем внимание на самоназвание армян *хай*, которое И. М. Дьяконов восстанавливает как протоармянское **хатйос* или **хатийос*, считается, что вся область западнее Евфрата называлась Хате [24]. Данное предположение косвенно может быть частью теории о хеттском происхождении хатиагского языка, но непосредственным источником его в осетинском фольклоре в таком случае предлагается считать армянский автоэтноним. История армяно-аланских отношений — достаточно сложная и недостаточно изученная область, но даже известные на настоящий момент данные позволяют составить убедительную доказательную базу. Во время длительного соседства и контактирования этих народов мог быть заимствован автоэтноним, вытесненный впоследствии в осетинском языке грузинским названием *сомихаг*. Есть зафиксированные сведения о межэтнических альянсах, в том числе между первыми лицами двух народов. Армянская письменность достаточно ранняя и восходит к началу V в., однако эта дата может служить лишь условным временным маркером, т.к. до этого с III-I вв. до н.э. существовал особый жреческий язык и письменность на нем.

Основанием для возведения хатиагского к хотаносакскому языку является попытка объяснить слова: «*Раньше мы назывались осетинами/ирон, только язык наш красивей (звучит) по-хатиагски*» [25, 44], которым не соответствует ни одна из вышеприведенных гипотез.

Об историческом предшествовании хатиагского свидетельствуют и то, что он называется языком мертвых и святых: *мардты* 'мæ æдты' *взаг*, а также и сюжеты, повествующие о том, как раздобыть

прежнего коня, старое или прежнее оружие или утварь. В таком случае это может быть вымерший язык, на котором осуществлялось богослужение. Субстрат?

Представляется, что эти слова о смене и этнонима, и лингвонима можно интерпретировать буквально: на памяти одного-двух поколений в условиях широко распространенного близкородственного билингвизма язык изменился. Двужычие или полиязычие за короткое время могут привести к образованию смешанного языка или пиджина [26].

Как прецедентную ситуацию можно рассматривать хрестоматийный пример возникновения савроматского языка из языка скифов и амазонок. По Геродоту, в результате брачных союзов между ними «мужчины не могли выучить язык женщин, женщины же усвоили язык мужчин» [27]. Последнее обстоятельство можно рассматривать как результат влияния гендерных различий на успешность освоения иностранного языка. Либо оно могло быть вызвано объективной несложностью скифского языка по сравнению с родственным ему языком самих амазонок, в результате «языком савроматы пользуются скифским, но говорят на нем издавна с ошибками, так как амазонки усвоили его неправильно» [27, 296]. Искажение скифского, приведшее к образованию савроматского, произошло за одно поколение, в таком случае первые савроматоязычные люди гипотетически могли бы сказать, что **раньше они назывались скифы, и их язык был раньше красивее*.

В этом контексте можно рассматривать хотаносакский язык. Хотя точное определение его места в классификации иранских языков наталкивается на трудности, связанные с интерпретацией графики, хотаносакский язык обычно рассматривается как принадлежащий восточноиранской подгруппе индоевропейских языков. Он прекратил свое су-

ществование в качестве «живого» языка, вытесненного тюркскими наречиями, к IX-X вв. Следует отметить, что Г. Бейли, лучший знаток и ведущий специалист по хотаносакскому языку, «проанализировал примерно 2000 страниц текстов осетинской Нартиады и убедился в особой близости сакских наречий древнего Хотана (500-1000 гг. н.э.) и Тумсук словарному составу осетинского языка» [28, 158]. И хотя сам Бейли не усмотрел связи между хотаносакским и хатиагским и выдвигал предположение об акатироях, это принципиально не исключает такой возможности, поскольку хатиагский язык не был вопросом его специального и пристального интереса.

Третья версия относительно готского языка родилась в рамках контент-анализа кадага «Как Сослан спас Шатану из озера Ада» («*Сослан Сатанайы зындоны цадагй куыд фервазын кодта*»). Сопоставление описываемых в сказании событий с биографией Амаласунты, дочери остроготского короля Теодорика Великого, приведенной в работах Прокопия Кесарийского [29] и Иордана [30], позволяют считать кадаг о гибели Шатаны эпическим отголоском трагедии остроготской Амаласунты [31]. Значимым в данном контексте может быть то, что не установлены в Нартовских сказаниях следы или упоминания готов, судьбы которых так тесно переплетены с сармато-аланской историей. Перефразируя К. Сагана, отсутствие подобных свидетельств не свидетельствует об их отсутствии, и можно полагать, что эти следы не столь очевидны и нуждаются в дополнительных дешифровке и декодировании.

Во-первых, фонетически непротиворечиво можно сопоставлять корни **хат* (*u*) — и **гот* (*u*) — . Во-вторых, на протяжении всей своей истории в позднюю античность и раннее средневековье аланы были связаны с готами, история зафиксированных контактов между ними

включает конфедеративные походы, союзнические экспедиции, военные противостояния, периоды мирного соседства. В-третьих, экзо- и полигамные браки были обычной практикой у тех и у других, имеются в том числе зафиксированные межэтнические гото-аланские браки.

Важным представляется то, что из всех основных участников турбулентного Великого переселения народов, потрясших миропорядок античности вместе с сарматами и аланами, письменность засвидетельствована исторически только у готов — руническая, как и у многих германских народов, а с IV в. у них появилось также особое письмо на основе греческого, дополненного некоторыми знаками латинского и рунического алфавитов.

Письменность была создана епископом Вульфиллой в IV в. для перевода Нового завета [32]. Имея Священное Писание и, возможно, богослужение на своем языке, готы испытали влияние христианского учения и, в свою очередь, могли распространять его на своих исторических соседей и союзников. Это может соответствовать определению хатиагского как «языка святых» (*зæдты æвзаг*).

Использование хатиагского за рубежами нартовских пределов может дать дополнительные аргументы в обосновании данной гипотезы.

Варианты некоторых сказаний позволяют определить географическую нишу хатиагоязычных людей. Хатиагский опознают либо понимают люди Черноморского владыки (*Сау денджызы малик*), Морского царя (*Донбеттыры паддзах*). Указание на Донбеттыра важно в свете рассуждений о том, что дочь Донбеттыров Дзерасса принесла этот язык нартам. Меж двух морей маленький Аца должен договариваться на хатиагском с конем.

Морское направление может указывать скорее на готов, чем на хаттов, хеттов, армян, хотаносаков или китайцев.

Значимым в данном контексте может быть дримоним Черный лес (*Сау хъæд*), жители которого читают на хатиагском и готовы прийти на помощь нартам. Если Черный лес является не мифонимом и частью мифологического локуса, а, вслед за пелагонимом Черное море (*Сау денджыз*), калькированной передачей реального топонима, названием грабово-дубового массива в Центральном районе современной Украины, то это указание на ареал, связанный последовательно со скифами, с сарматами, с готами и с аланами.

В рамках гипотезы о возведении хатиагского к готскому языку следует обратить внимание на ономастическую единицу *Амылтахъ*, имя собственное адресата письма. *Крупнопалый Амылтахъ*, живущий в Чёрном лесу (*Саухъæды царæг Ставдæнгуылдз Амылтахъ*), — персонаж ненартовского происхождения, тем не менее, это «единственный друг-брат» (*иунаг æрдхорд-æфсымæр*), который, получив послание Хамыца на хатиагском, вызволяет его из беды [11, 79-81]. Можно предположить неслучайность сходства антропонима *Амылтахъ* с фамильным именем *Амал-ы* — готской династией, правившей с середины III в. до первой трети VI в., с представителями которой у аланов были многочисленные матримониальные союзы [33, 195]. Возможно, Хамыц обращался не к правителю, а к военачальнику. Известно, что потомки Амалов встречались среди полководцев Атиллы [34].

Тот факт, что у Амалов зафиксированы браки с аланами, позволяет допускать

и владение аланским языком отдельными членами данного династического рода. Готы в свою очередь также могли быть двуязычными. Двуязычие, в отдельных случаях полиязычие, всегда было нормальным ответом на потребности межъязыкового контактирования: так, имеются исторические данные полагать, что предводители гуннов Атиллы и его брат Бледа говорили, а, возможно, даже умели писать, на готском и латинском [35, 17]. Средневековые авторы считают, что Амаласунта, выдающаяся женщина и незаурядная королева, знала латинский, греческий и готский.

В современном осетинском языке *хатиагский* означает «непонятный», «чуждый», «прежний», *хатиагский язык* применяется для обозначения в принципе малопонятного чужеземного языка либо языка секретного, на нем в сказках разговаривают птицы и волшебные предметы.

А. А. Туаллагов считает, что осетины утратили четкие представления о письменности Алании, использовавшей социальной верхушкой общества и христианской церковью, и пытались связать слово *хатиагский* с определенным народом [13, 227]. На наш взгляд, утрачено было именно представление о близком народе, языке, имевшем письменность. Изменения в семантическом объеме слова *хатиаг*, несомненно, имели место, но генерализация значения была скорее результатом потери этнической координаты, восстановление которой для нартоведения имеет принципиальное значение.

1. Гуриев Т. А. Как называли предки осетин китайцев? // Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991. С. 131-135.
2. Алборов Б. А. Термин «xatigau» осетинских нартских сказаний // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Владикавказ, 1929. Т. 1. С. 105-112.
3. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Фыццаг чиныг. Дзæуджыхъæу, 2003. (на осет. яз.)
4. Нарты кадджытæ. Дыккаг чиныг/Аразæг Хъ. Гуыттыаты // Мах дуг. 1996. №3. С. 109-121. (на осет. яз.)
5. Нарты кадджытæ. Дыккаг чиныг/Аразæг Хъ. Гуыттыаты // Мах дуг. 1996. №4. С. 94-121. (на осет. яз.)
6. Нарты кадджытæ // Мах дуг. 2006. №3. С. 123-136. (на осет. яз.)
7. Нарты кадджытæ. Цыппæрæм чиныг/Аразæг Хъ. Гуыттыаты // Мах дуг. 2006. №1. 82-103ф. (на осет. яз.)
8. Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry/ed. A. T. Hatto. London, 1980. Vol. 1. P. 236-267.
9. Нарты кадджытæ. Фыццаг чиныг/Аразæг Хъ. Гуыттыаты. Орджоникидзе, 1989. (на осет. яз.)
10. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дыккаг чиныг. Дзæуджыхъæу, 2004. (на осет. яз.)
11. Нарты кадджытæ/Аразæг Хъ. Гуыттыаты // Мах дуг. 2005. №8. С. 74-111. (на осет. яз.)
12. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
13. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.
14. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь/под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана. Л., 1934. Т. III.
15. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.
16. Сланов А. А. Тайный язык воинов: осетинский походный язык // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 110-116.
17. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Ёртыккаг чиныг,/Текстæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдугат сарæзта Хæмыцаты Т. Владикавказ. 2005.
18. Молина М. А. Многоязычие в Хеттском царстве. Протокол дворцовой стражи как источник информации о языковом разнообразии // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 83-98.
19. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. 4.
20. Gernet J. A history of Chinese civilization. Cambridge, 1996.
21. Миллер Г. Ф. О народах, издревле в России обитавших // РГАДА. Ф. 199. Оп. 47. Д. 3. ГИ НС Т. 3.
22. Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, М.-Л., 1957.
23. Нартæ. Ирон адæмы героикон эпос. 3 чиныг. М., 1991. (на осет. яз.)
24. Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 34-63.
25. Ирон таурæгътæ/Сост. III. Джыккайты Орджоникидзе, 1989. (на осет. яз.)

26. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Смешанные языки // Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004. С. 149-159.
27. Геродот. История. М., 2006.
28. Гурьев Т. А. К этимологиям профессора Г. Бейли // Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010. С. 158-165.
29. *Procopius*. The Secret History. Harmondsworth, Penguin Books, 1966.
30. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2013.
31. Гутиева Э. Т. Эпическая Сатана и историческая Амаласунта // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2017. № 4. С. 139-144.
32. *Bessell W.* Ueber das leben des Ulfilas und die bekehrung der Gothen zum Christenthum. Vandenhoeck und Ruprecht, 1860.
33. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
34. Конский П. Остготы и Остготское королевство [электронный ресурс]. URL: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/075/75297.htm>
35. *Fields N.* Attila the Hun. Bloomsbury Publishing. 2015.

Gutieva, Elmira T. –V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; gutieva@list.ru

INTERPRETING GLOSSONYM HATIAG OF THE NARTS' EPICS.

Keywords: *linguonym, ethnonym, Hatiag language, Narts, Alans, East Iranian language, the Ossetian language, epics.*

The glossonym Hatiag (Hatiag ævzag), repeatedly mentioned in the texts of the narratives of the Narts' epic, has constantly been in the focus of the researchers' attention, due to the fact that it contains historically important information relevant to the chronological and geographical localization of the number of plots and plot motifs. The length of the history of the emergence and existence of the epic, spacious territories inhabited by its creators, pushed by their unprecedented migration activity account for the emergence of a sufficiently large number of alternative interpretations. All of them meet certain requirements for the Hatiag language, derived from the texts of the sagas. The basis for the existing hypotheses, in the first place, is a phonetic similarity of the linguonym with known roots, terms. Most of the hypotheses correlate Hatiag with well-known ethnonyms, the names of peoples with whom the Sarmatians, Alans, and Ossetians had contacts confirmed by the known historical sources. The article provides an overview of the etymologies, which have been so far advanced. The problem of the Hatiag language is still unsolved which allows us to continue the development and refinement of the existing hypotheses, to put forward and formulate new ones as well. The paper proposes to include in the terms of the search of the etymon: Hay, self-designation of the Armenian people, the long-term historical neighbors of the Alans; the first element of the designation of Eastern Iranian language of the Khotanese Sakas, who have closely related genetic ties with the proto-Ossetian; and the name of the East German tribe of Goths. From these three author's hypotheses, preference is given to the latter.

REFERENCES

1. Guriev, T. A. *Kak nazyvali predki osetin kitaytsev?* [How did ancestors of the Ossetians call the Chinese?]. *Nasledie skifov i alan* [Heritage of the Scythians and Alans]. Vladikavkaz, Ir, 1991, pp. 131-135.
2. Alborov, B. A. *Termin «xatiagau» osetinskikh nartskikh skazaniy* [Term «hatiagau» of the Ossetian Narts' epics]. *Sbornik nauchnogo obshchestva etnografii, yazyka i literatury pri*

Gorskom pedagogicheskom institute [Collection of the Scientific Society of Ethnography, Language and Literature at the Gorsky Pedagogical Institute]. Vladikavkaz, 1929, vol. 1, pp. 105-112.

3. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Narts' Sagas. Epics of the Ossetians]. Dzaudzhikau, Iryston, 2003, vol. 1. 590 p. (in Ossetian)

4. *Narty kaddzhytæ. Dykkag chinyg. Arazæg Kh. Guytiaty* [Narts' Sagas. Vol. 2. Ed. by Kh. Gutiaty]. *Makh dug* [Our Era]. 1996, no. 3, pp. 109-121. (in Ossetian)

5. *Narty kaddzhytæ. Dykkag chinyg. Arazæg Kh. Guytiaty* [Narts' Sagas. Vol. 2. Ed. by Kh. Gutiaty]. *Makh dug* [Our Era]. 1996, no. 4, pp. 94-121. (in Ossetian)

6. *Narty kaddzhytæ* [Narts' Sagas]. *Makh dug* [Our Era]. 2006, no. 3, pp. 123-136. (in Ossetian)

7. *Narty kaddzhytæ. Cyppæræm chinyg. Arazæg Kh. Guytiaty* [Narts' Sagas. Vol. 4. Ed. by Kh. Gutiaty]. *Makh dug* [Our Era]. 2006, no. 1, pp. 82-103. (in Ossetian)

8. Bailey, H. W. *Ossetic (Nartä). Traditions of Heroic and Epic Poetry*. Ed. A. T. Hatto. London, MHRA, 1980, vol. 1, pp. 236-267.

9. *Narty kaddzhytæ* [Narts' Sagas]. Ordzhonikidze, Ir, 1989, vol. 1. 495 p. (in Ossetian)

10. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Narts' Sagas. Epics of the Ossetians]. Dzaudzhikau, Iryston. 2004, vol. 2. 896 p. (in Ossetian)

11. *Narty kaddzhytæ* [Narts' Sagas]. *Mah dug* [Our Era]. 2005, no. 8, pp. 74-111. (in Ossetian)

12. Dumézil, G. *Osetinskiy epos i mifologiya* [Ossetian epics and mythology]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva Nauka, 1976. 278 p.

13. Tuallagov, A. A. *Skifo-sarmatskiy mir i Nartovski epos osetin* [Scythian-Sarmatian world and the Narts' epics of the Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2001. 314 p.

14. Miller, V. F. *Osetinsko-russko-nemetskiy slovar'. Pod redaktsiey i s dopolneniyami A. A. Freymana* [Ossetian-Russian-German Dictionary. Ed. and compl. by A. A. Freiman]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1934, vol. III. 1729 p.

15. Dzitsitsoyty, Yu. A. *Narty i ikh sosedi* [The Narts and their neighbors]. Vladikavkaz, Alaniya, 1992. 279 p.

16. Slanov, A. A. *Taynyy yazyk voynov: osetinskiy pohodnyy yazyk* [Secret language of the warriors]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2014, no. 3, pp. 110-116.

17. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Narts' Sagas. Epics of the Ossetians]. Vladikavkaz, 2005, vol. 3. 712 p.

18. Molina, M. A. *Mnogoyazychie v Hettskom tsarstve. Protokol dvortsovoy strazhi kak istochnik informatsii o yazykovom raznoobrazii* [Polylinguism in the kingdom of the Hittites. Protocol of the palace guard as a source of information on linguistic diversity]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2015, no. 2, pp. 83-98.

19. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 4. 325 p.

20. Gernet, J. *A history of Chinese civilization*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 886 p.

21. Miller, G. F. *O narodakh, izdrevle v Rossii obitavshikh* [On the peoples who inhabiting Russia since ancient times]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Fund 199. Inventory 47. Case 3. GI NS vol. 3.

22. Andreev, M. S., Peshchereva, E. M. *Yagnobskie teksty s prilozheniem yagnobsko-*

russskogo slovarya [Yaghnob texts with the Yaghnob-Russian dictionary]. Moscow — Leningrad, 1957. 392 p.

23. *Nartæ. Iron adæmy geroikon epos* [Narts. Heroic epics of the Ossetians]. Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoy literatury. 1991, vol. 3. 430 p. (in Ossetian)

24. Diakonov, I. M. *Malaya Aziya i Armeniya okolo 600 g. do n.e. i severnye pokhody vavilonskikh tsarey* [Asia Minor and Armenia around 600 BC and northern campaigns of the Babylonian kings]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History]. 1981, no. 2, pp. 34-63.

25. *Iron tauræg»tæ* [Ossetian sagas]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 505 p. (in Ossetian)

26. Vakhtin, N. B., Golovko, E. V. *Smeshannyye yazyki* [Mixed Languages]. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and Sociology of Language]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2004, pp. 149-159.

27. Herodotus. *Istoriya* [History]. Moscow, Ast — Moskva, 2006. 671 p.

28. Guriev, T. A. *K etimologiyam professora G. Beyli* [To the etymologies of Professor G. Bailey]. *Sbornik izbrannykh statey* [Collection of selected articles]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2010, pp. 158-165.

29. Procopius. *The Secret History*. Harmondsworth, Penguin Books, 1966. 204 p.

30. Iordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyah getov* [On the origin and deeds of the Geths]. St. Petersburg, Aleteyya, 2013. 512 p.

31. Gutieva, E. T. *Epicheskaya Satana i istoricheskaya Amalasunta* [Epic Satana and Historical Amalasunta]. *Nartovedenie na rubezhe XX-XXI vv.* [Nart studies at the turn of XX-XXI centuries]. 2017, no. 4, pp. 39-144.

32. Bessell, W. *Ueber das leben des Ulfilas und die bekehrung der Gothen zum Christenthum*. Vandenhoeck und Ruprecht, 1860. 119 p.

33. Alemany, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow, Manager, 2003. 604 p.

34. Konsky, P. *Ostgoty i Ostgotское korolevstvo* [The Ostrogoths and Ostrogothic kingdom]. [electronic resource]. URL: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/075/75297.htm>

35. Fields, N. *Attila the Hun*. Bloomsbury Publishing, 2015. 64 p.